

**В вихре
времён**

Андрей ВЕЛИЧКО

ИНЖЕНЕР

«Крылья» для цесаревича

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В27

Художественный редактор *П. Волков*

В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *И. Варавина*

Величко, Андрей Феликсович.

В27 Инженер. «Крылья» для цесаревича / Андрей Величко. — Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 384 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-04-092531-5

Когда до выхода на пенсию остаются считанные годы, особых карьерных перспектив, как правило, нет. Именно поэтому инженер Найденов не ждал от судьбы хоть сколько-нибудь существенных подарков. Но у нее на этот счет имелось свое мнение...

Каким-то неведомым образом инженер оказался связан с цесаревичем Георгием, младшим братом императора Николая Второго, медленно умиравшим от туберкулеза в конце XIX века. И помог тому не только справиться с болезнью, но и обрести веру в собственные силы.

Ускорит ли Российская империя свой прогресс, если его техническим обеспечением займется заслуженный изобретатель СССР Найденов? Исполнится ли мечта цесаревича о собственных «крыльях»?

**УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-092531-5

© Величко А.Ф., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ПРОЛОГ

Обычно мемуары начинаются примерно с рождения вспоминающего и дальше идут двумя путями. Первый: я родился тогда-то и там-то. Потом вскользь о родителях, о месте, где они сподобились произвести на свет героя, и снова о нем же — первые воспоминания, вторые, третьи... И так далее, более или менее равномерно по времени.

Второй же путь начинается с исторической обстановки в момент появления на свет мемуариста, затем несколько фраз до того момента, как его жизнь стала действительно представлять интерес, ну а тут уже подробно и со вкусом. Такой путь более рискован — ведь если это только автору кажется, что он интересно описывает значимые события, а на самом деле нет ни того, ни другого, получается макулатура. Но я готов рискнуть. Итак...

Когда Сталин лежал в Мавзолее, а народ уже почти перестал задумываться — что же теперь будет, в семье механизатора и учительницы деревни Григорьевой Калининской области родился сын. Когда этот сын — то есть я — начал ходить, Сталина из Мавзолея вынесли, а народ снова принялся чесать репу — вот теперь точно что-то будет!

Когда я уходил в армию, водка стоила два восемьдесят семь, а Леонид Ильич был мужчиной в расцвете сил.

Когда же вернулся, наш национальный напиток шел уже по три шестьдесят две, а генсек бормотал из телевизора про сиськи-масиськи и сосиски-сраны... Через весьма непродолжительное время они именно такими и стали.

Когда я начинал трудовую деятельность, статус инженера был еще достаточно высок, а когда впереди, на расстоянии всего нескольких лет, маячила пенсия, мое звание заслуженного изобретателя официально находилось всего на полступеньки выше статуса «бомж». Впрочем, это меня тогда не очень взволновало, а потом оно стало и вовсе по фигу — вот, собственно, и все вступление, пора переходить к основному тексту.

ГЛАВА 1

Из дневника ЕИВ великого князя Геorgia Александровича

23 января 1899 г.

Сегодня грустный юбилей в моей жизни: вот уже минуло восемь лет, как закончилась моя служба в Российском императорском флоте.

Эти печальные для меня дни останутся в памяти до конца моей жизни, который, как я ясно понимаю, уже близок. Об этом мне говорят и красные пятна на моем платке, и глаза врачей, которые они прячут от меня. А как прекрасно начиналось то злосчастное плавание на броненосном фрегате «Память Азова» — встреча с Ники в Триесте, а дальше были великие пирамиды в Египте, усыпальница Великих Моголов в Индии. А потом был тот злосчастный декабрь, когда «Адмирал Корнилов» и «Память Азова» стояли на якоре на Бомбейском рейде и я почувствовал, что заболел... И окончательный диагноз — чахотка. Сейчас я понимаю, что виной всего этого была моя беспечность, сначала проводы после бала на «Азове» m. N. на катере по холодному рейду в легком сюртуке, а затем сон у открытого окна на ледяном сквозняке вагона поезда после поездки к пирамидам в Египте. В это очень тяжелое для меня время как «луч света в темном царстве» было то незабываемое прощание моряков со мной, когда к трапу «Памяти Азова» для переправы на «Адмирал Корнилов» для меня подали катер, на котором гребцами были

офицеры фрегата, а на руле сам командир — милый Н.Н. Ломен. А как самозабвенно кричали «УРА!» команды кораблей, когда мы покидали гавань...

1 февраля 1899 г.

Я чувствую себя совершенно одиноким. Вокруг высокие горы, как тюремные стены, и только единственное, что скрашивает мою жизнь здесь, в Аббас-Тумане, — это моя отрада — обсерватория. Как часто, смотря на холодные величественные звезды, я ловлю себя на мысли, что хочу воззвать к Господу нашему явить милость и милосердие — помоги рабу твоему Георгию. Ведь это так тяжело осознавать в 27 лет, что жизнь уходит из меня как песок меж пальцев и что, возможно, я не доживу и до 28 лет.

12 февраля 1899 г.

Этой ночью мне снился очень красивый, но непонятный сон. Я сижу на моторраде. Впереди и рядом — другие очень странных очертаний, разноцветные, на них пилоты в облегающих одеждах и шлемах наподобие рыцарских. Я чувствую, что волнуюсь... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее всех... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости.

Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... Но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится на бок и едет, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14.

Это невероятно, но он едет еще быстрее меня, и в результате закончил гонку я только третьим...

снулся с мыслью, что мне надо больше тренироваться. Очень странный сон — и откуда такие слова: гонки, тренироваться...

14 февраля 1899 г.

Я не знаю, что же мне делать; этот сон мне снится уже третью ночь. Сегодня исповедовался отцу Константину, рассказал ему о моих снах и попросил совета. Он был явно в смущении и сказал, что я должен больше молиться, и Господь явит мне милость. Боже, помоги рабу твоему Георгию!

15 февраля 1899 г.

Сегодня я понял, что этот сон есть знак свыше и я должен научиться искусству езды на моторраде; решил не откладывать дело в долгий ящик. Вызвал к себе моего управляющего и попросил выбрать самую совершенную и быструю модель моторрада.

27 февраля 1899 г.

Управляющий доложил, что самым совершенным моторрадом является «мотоциклет» производства фирмы братьев Вернер. Их последняя модель в прошлом году экспонировалась в велосипедном салоне и приобрела большую известность быстроходностью, так как позволяла достичь максимальной скорости 35 верст в час. Фирма братьев Вернер, кстати, русских подданных, имеет магазин в Москве на Петровских линиях в доме Полякова, откуда они могут прислать моторрад и механика, чтобы его собрать. К тому же их московский представитель — один из братьев Вернеров — Ипполит Антонович —

узнав, для кого мы покупаем моторрад, любезно вызвался сопровождать груз и дать мне несколько уроков езды на моторраде.

**Рассказывает Георгий Андреевич
Найденов — то есть я**

Мелькают по сторонам последние домики, и теперь впереди только дорога. Скорее тропа, по которой я еду на антикварном мотоцикле. Гора слева и не то обрыв, не то вообще ущелье справа. Крым? Впереди небольшая осыпь, за ней левый поворот. Да что же я делаю?! Заднее колесо сносит. Почему-то даже не пытаюсь применить контрруление. Ногами тоже не работаю. Переднее колесо входит в занос, и мотоцикл кувыркается. Как будто растеряв абсолютно все навыки, я даже не пытаюсь оттолкнуться от падающей лайбы и сгруппироваться. Сильный удар вывернутым рулем в грудь. Ребра сломаны? Во рту кровь. Все. Конец. Больше ничего делать не надо, осталось только немного подождать, пока из меня вытечет жизнь. И тогда я проснусь.

Вот зараза, да что же это за дерьмо такое мне снится? Яркое, в цвете и даже с запахами. И вторую ночь подряд. Хорошо еще, что я от природы не нервный — более впечатлительная личность уже неслась бы к психиатру за таблетками или к экстрасенсу на рихтовку кармы. А меня хватает только на вялое недоумение, с чего это сны такие одинаковые. Кстати, мысль. Если опять приснится оно же, можно попытаться сравнить — действительно ли картинки абсолютно совпадают или просто похожи.

Больше в тот день ничего интересного, кроме заклинившего колена на одном из клиентских скутеров, не было...

А ночью я третий раз посмотрел тот же сон. Никаких, даже самых мелких отличий от первых двух просмотров зафиксировать не удалось.

Выходной. Валяюсь на диване и пытаюсь заставить себя мыслить. Итак, что мы имеем с гуся? Три одинаковых, во всяком случае, на мой взгляд, неразличимых сна подряд. Идеи?

Первая. Едет крыша. Мысль интересная, но весьма неконструктивная.

Вторая. Какая-то сволочь изобрела аппаратуру трансляции снов и теперь испытывает ее, гоняя мне один и тот же ролик. В принципе возможно, но почему такой странный выбор сюжета?

Третья. Сон вещий. Типа и куда ж ты, козел старый, еще и на мотоциклах гонять лезешь? Вот они, мотогонки-то, чем кончаются. Хм. Как-то я небольшой спец по вещим снам, может, обратиться к профессионалам? Еще бы понять, как среди сотен шарлатанов отыскать одного, который не совсем... Так что попробую сам. Представим себе, я внял и ни в каких мотокроссах ни в Крыму, ни на Кавказе участвовать не буду — так вроде и не собирался. Я больше по шоссейно-кольцевым, и ближайший этап в Курске, там ничего даже отдаленно похожего на пейзажи из сна отродясь не было. И не тянет снившееся мне на мотокросс. Скорее это что-то вроде первой поездки чайника. Вот именно. Продолжим.

Четвертая. Это не я там еду. Я просто ухитряюсь телепатически (а что? никто меня еще не уличал в отсутствии соответствующих талантов вроде) видеть кусок чужей-то жизни — причем, судя по содержанию, этот кусок финальный.

Попробуем поглубже развить эту мысль. Итак, кто-то вбухал очень неслабые деньги в мотоцикл начала

прошлого века, которых вообще-то сохранились единицы. Абсолютно не умея ездить, данный оригинал намылился кататься по горам, где и убился. Причем когда я спал, у него там был день. И это было позавчера, если первый сон шел «в прямом эфире». Такая новость уже вовсе должна была бы обсуждаться в Интернете, если только дело не происходило в каком-нибудь южноамериканском или новозеландском медвежьем углу и трупик еще не нашли. Или же все сны были «в записи». Этакий привет из прошлого. Кстати, если из достаточно далекого прошлого, то и мотоцикл по тем временам мог быть не раритетом, и нулевая квалификация пилота вполне объяснима. Может, это даже какой-нибудь мой предок типа сводного троюродного прадедушки прорезался.

Чем-то мне эта версия нравится больше других. Кстати, я данный сон смотрю от первого лица — а смогу ли я вмешаться? Чуть сбросить скорость и повернуть руль, и предок выживет. А выжив, глядишь, еще и сотворит что-нибудь этакое. Вряд ли, конечно, но все равно интересно. Так что будем посмотреть...

День прошел как-то сумбурно, дела валились из рук. Наконец вечером я плюнул на все недоделанное, сел, закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Что я видел в этих снах? В деталях? Мотоцикл с широким зю-образным рулем... ручки газа, кажется, нет... совсем древность мохнатая, вот манетка на раме... тормозов вроде тоже не наблюдается... амортизации точно никакой нет, даже самой зачаточной... Теперь вспоминаем действия пилота... Так, выехал из деревни... Блин, да он совсем рулить не умеет, как же так можно не навернуться... впереди небольшой подъем... он двигает манетку вперед, движок тарыхтит резвее... переваливает горб дороги, рука опять дергается к манетке, хочет, видать, сбросить газ...

и опять вцепляется в руль! Он же просто не может нормально управлять одной рукой! А скорость все увеличивается... если это можно назвать скоростью... так, уже примерно сорок... Дальше все ясно. Левый поворот ему не пройти. Если без моей помощи, конечно. Ладно, ждем ночи на предмет посмотреть сон в активном режиме, если получится.

Не буду вас томить, все получилось, причем не только все, но еще и кое-что сверх того. Вон на столе литровая банка с бижутерией (или как оно там называется — золотые брошки-колечки, камни всякие средней драгоценности) стоит, ждет конвертации в рубли или евро. И предок мой жив, хотя он мне вовсе не предок, уж настолько-то я свою родословную знаю. Зато тезка. Правда, еще не так чтобы уж совсем окончательно жив, это мне еще придется подсутиться... Но по порядку.

Бессонницы не случилось, я задрых вовремя и, как и надеялся, увидел дубль-4. Поначалу мои попытки вмешаться в управление имели нулевой эффект. Я и смотреть-то мог только туда, куда направлял свой взор персонаж (лучше бы на дорогу внимательней смотрел, чайник!). Но вот в момент, когда мотоцикл преодолел подъем... Видимо, степень свободы у горе-пилота кончилась, дальше любые его действия не меняли результата. Но это его, а мои этот результат изменили сразу на 180 градусов, причем в обоих смыслах — и в переносном, и в буквальном. Как только зад пошел в занос, я слегка повернул руль вправо, потом резко газ до упора, левая нога и руль влево. Газ на себя, мотор глохнет. Неплохо получилось, полицейский разворот без тормозов и одной рукой, это не каждый может. С другой стороны, мотоциклом этот аппарат можно назвать только из вежливости, так, велосипед с моторчиком. В общем, слез я с этого пепелаца, заодно рассмотрев его сбоку —

похож на первую Индиану, только бак совсем маленький и расположен над задним колесом, как у «Риги-одиннадцать». Хотел присесть, но тут персонаж из моего сна перехватил управление и сел сам. Я опять мог только смотреть. И слушать. Слушать? Или как это — принимать телепатемы? В общем, примерно так:

— Ты спас меня сейчас, Я Из Сна? (это он так и подумал, с заглавных букв). Надолго ли?

— Я-то я, но не то я, которое ты, а которое наоборот я... Тьфу, блин! Ну ладно, в общем спас. Из какого еще сна?! Тебе тоже ролики снились?

— Мне снился красивый, но странный сон. Много раз — один и тот же. Я сижу на моторраде (точно, термин «мотоцикл» появился не сразу, как их только ни называли). Впереди и рядом другие... разноцветные, на них пилоты в странных одеждах и в шлемах наподобие рыцарских... Человек в красном машет флагом, все срываются с места, но я быстрее всех... за пару мгновений разгоняюсь до огромной, совершенно невообразимой скорости. Впереди поворот, его невозможно проехать даже и впятеро тише... Но мой моторрад вдруг, не сбрасывая скорости, почти ложится на бок и едет, послушный малейшему моему движению. Я знаю, что это гонка и я должен ее выиграть. Но вдруг меня обгоняет черный моторрад с номером 14 — это невероятно, но он едет еще быстрее, чем я...

Ага, понятно, что ему снилось. Прошлогодня гонка М1 на подольской трассе. Не занял я там ни первого, ни второго места. Не помог мне мощный мотор, Иван меня обошел сразу, а на десятом круге и Сергей. Да что там, я и Василия-то обогнал только от того, что он упал. Тренироваться надо было больше.

— Понятно. Тебе действительно снился кусочек моей жизни. Ну а дальше? Ты что, именно в результате увиденного этот свой кошмарик на колесах заимел?

— Это было... ну не знаю, как сказка. Я, в общем, догадываюсь, что жить мне осталось немного. Хотя прямо никто не говорит... но... Почему-то захотелось наяву испытать такое. Выписал моторрад. Только он оказался вовсе не таким, как тот. Да и я мог управлять им совсем не так, как ты. Вот сегодня я рискнул первый раз выехать из Аббас-Тумана... Ты сам видел, что было дальше. Я бы точно разбился без твоего вмешательства?

— Не так чтобы разбился, сломал бы пару ребер... Но почему-то помер бы от этого (и что же это я за скотина такая нетактичная?)

— Почему-то? Чахотка. Давно и серьезно.

Т-а-ак... Чахотка... Аббас-Туман... То есть, скорее всего, Абастумани...

— Слушай, персонаж, — по возможности вежливо осведомился я. — А как тебя, болезного, зовут? И какой тут сейчас у вас год?

Д-а-а, дела. В процессе беседы со своим визави я как-то незаметно проснулся. Потом встал, оделся, закурил — нужно было потянуть время, дабы привести мыслительный процесс в относительную норму. Спасаемый оказался моим тезкой. Имя — Георгий. Отчество — Александрович. Фамилию он не назвал, но выдал титулы и звания. Шеф девяносто какого-то Иркутского пехотного полка. Атаман казачьих войск. Ну и на закуску — великий князь, и не просто мелочь какая-нибудь великокняжеская, а цесаревич и наследник престола. Про год я и сам догадался — 1899-й. Все это время связь с ним не прерывалась — он, похоже, просто молчал, я давился непечатными эпитемами. Еще сильно мешала невозможность увидеть собеседника — я мог либо своими глазами смотреть на свою же комнату, либо его глазами на летний грузинский пейзаж.